

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНОВ:

«НЕОЖИДАННОСТЬ В ИСКУССТВЕ ВСЕГДА ПРЕКРАСНА»

Первое, что я увидел, едва переступив порог его кабинета, — афишу спектакля Московского театра имени Ленинского комсомола — «Иванов». Сразу вспомнился прошлый сезон, яркая работа народного артиста РСФСР Евгения Леонова в этом спектакле. Сам собой напрашивался первый вопрос: как Вам работаете в молодежном театре, среди молодежи?

— Интересно работаете. Московский театр имени Ленинского комсомола предлагает актеру неожиданные решения. Мне кажется, что неожиданность в искусстве всегда прекрасна. Чем больше актеру приходится себя ломать, входить в разные жанры, «выламываться» из привычных рамок, тем интереснее ему будет в искусстве, тем, думаю, более интересный образ представит он на суд зрителей. Понимаете, да? Результат такого «себяпреодоления» — неожиданность, всегда вызывающая споры. Вот вы подчеркнули — «молодежный театр». Возможно, я ошибаюсь, но... Надо ставить хорошие, острые, интересные и добрые спектакли. А это уж «удел» любого театра, если он Театр.

— А есть ли у Вас образ «своего», идеального театра? Каков он?

— Я в таком театре работал — в Московском театре имени К. Станиславского той поры, когда его возглавлял Михаил Михайлович Яншин. М. М. Яншин — потрясающий педагог. Он создал прекрасный коллектив, о котором можно только мечтать. Мы все — хоть и разные были по уровню и характеру дарования, по индивидуальности — смотрели в одну сторону.

Между прочим, конечно, театр сейчас режиссерский, все так, но ведь и от актера «что-то» зависит... К сожалению, в искусстве никто еще никогда не объяснял своему партнеру: «Дорогой мой, ты перестал быть актером. Ты заелся, успокоился, а это значит, что от твоего «метрства» одни лишь звания да письма бывших поклонников остались. Может быть, еще пожелтевшие рецензии из газет и журналов».

Убежден, в искусстве такое «метрство» смерти подобно. Искусство не терпит сытости, равнодушия, всезнайства. Чем больше ты сомневаешься в роли, в самом себе, тем больше шансов, что ты растешь как актер.

— Евгений Павлович, а как вы Ваши привязанности в искусстве. Влияют ли они на Вашу театральную работу?

— Трудно ответить на этот вопрос. Конечно, можно сказать: люблю Пушкина, и тем отделаться от дальнейших расспросов. Уж больно модно сейчас во всех случаях жизни вспоминать великого поэта.

Понимаете, мне трудно — жизни не хватает — следить постоянно за тем, что происходит в искусстве. Поэтому я хочу воздержаться от какого бы то ни было списка. К тому же постоянных привязанностей у меня нет. Люблю прозу. Она, мне кажется, опережает сегодня драматургию.

Что касается влияния, то это вопрос двоякий. Есть влияние непосредственное. Получил я, еще в молодости, роль в одной из пьес Шеридана. Захотелось узнать об эпохе: историю художников того времени, литературу, музыку.

О таком влиянии — непосредственно на работу — говорить можно. Но вас, видимо, интересует влияние скорее духовное, отраженное, что ли... Оно, конечно, есть, но вот какое, как — не знаю. Мне его трудно — а пожалуй, и невозможно даже — вычленивать, акцентировать. Да и не мое это дело.

Единственно, что могу сказать: при встрече с подлинным талантом я испытываю зависть: что не я это сыграл, что так сыграть не сумею. Это не зависть с ненавистью пополам, а творческая зависть, когда хочется, наплакавшись на фильме или спектакле, засучив рукава, окунуться с головой в работу и сделать что-то такое!...

— Как Вы работаете над ролью? С чего начинаете?

— Для меня важно понять не роль даже, а некую суть, заложенную в пьесе. Для писателя это — одно, а для актера, режиссера — другое. Это не значит, что он и мы говорим о разном. Просто он пишет: «Я люблю тебя», а сказать это можно по-всякому: со злостью, вкрадчиво, «вниз головой», ремонтируя сапог и даже убивая свою возлюбленную. И чем глубже литература, тем неожиданнее могут быть приспособления, тем труднее их искать. Тем многозначнее получившийся в результате характер. Идут люди по улице — разве можно сказать о них так: вот подлец пошел, а вон хороший человек. Но именно этого часто требуют от экранных и сценических персонажей. Я, как и любой из нас, не люблю плоскостных и однозначных героев. Люблю играть противоречивые, сложные характеры. Стремление к сложности воспитано во мне еще моим учителем.

— Евгений Павлович, кто он? Расскажите, пожалуйста, подробнее.

— Я упоминал уже о нем. Это — М. Яншин. Он очень крупный человек, художник, актер. Яншин меня, мальчика, лет 25 назад научил, что ак-

терское дело — профессия трудная, тяжелая. Звучит это — в очередной раз — пустой декларацией. И лишь испытав этот принцип на себе, понимаешь, какая в нем заложена Правда.

Ведь проблема не в том, чтобы выучить роль. Я, кстати, не люблю вообще это делать. Выучить — значит затвердить, обеднить. А в жизни все всегда происходит гораздо богаче. В жизни бывает все. Мы даже не представляем, что может быть в жизни. И никогда не задумываемся, пока сами с чем-то таким не сталкиваемся. Поэтому мой принцип в работе над ролью: хорошо бы до конца не знать, а лишь предполагать.

Если так попробовать, а если этак, а если иначе, а если по-другому... И вот наконец рождается то, что нужно. И рождается не от себя. А через себя — от имени воплощаемого персонажа. Может быть, в поисках единственно возможных оценок и состоит суть актерской работы?

Именно эти уроки вынес я с репетиций Михаила Михайловича, удивительного педагога, прекрасного человека.

Я не случайно все время говорю и о Яншине-человеке. Сейчас личность, по-моему, — самое важное в искусстве. Нам сейчас особенно интересно, как ты — как личность — проявляешь себя на сцене, на экране. И — в жизни.

Беседу вел
В. КЛИМОВ.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
МОСКВА

9 июль 1977